

Е. В. Петрухина

Объяснительная теория славянского глагольного вида

Аннотация

В статье представлена объяснительная концепция славянского вида на материале русского и чешского языков. Различия между сопоставляемыми языками в употреблении и сочетаемости глаголов совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) вида связываются с расхождениями в организации привативной видовой оппозиции – разным объемом нейтрализации видового противопоставления и разной степенью маркированности / немаркированности видов. Данные структурные различия влияют на соотношение собственно глагольных и контекстно-лексических аспектуальных средств и соответственно имплицитности / эксплицитности выражения аспектуальной характеристики действия в русских и чешских предложениях, а также на развитие вторичных функций у видо-временных форм и употребление видов.

1. Объяснительная роль теории морфологических оппозиций в сопоставительной аспектологии

В конце XX века в российском языкознании были сделаны прогнозы об основных тенденциях развития лингвистики в XXI веке, сущность которых может быть определена как «вторичная гуманизация» лингвистики. Имеется в виду возвращение к изучению «человеческого фактора» в языке после длительного структуралистского периода в XX в. Новая научная парадигма формируется на основе интеграционных процессов взаимодействия лингвистики с другими гуманитарными науками – психологией, антропологией, этнографией, культурологией, социологией и др. В языкознании XXI века наблюдаются усиление антропо- и этноцентризма, психологизма, функционализма, прежде всего в его коммуникативной разновидности; замена уровневой, дискретной лингвистики недискретной, полевой; развитие когнитивной лингвистики, изучающей связи языка со структурами нашего сознания, а также исследование взаимодействия в речемыслительной деятельности языкового и неязыкового знания и роли языковой картины мира в создании общей картины мира этноса (Кибрик 1995; Кубрякова 1995; Язык и наука 1995). В новой научной парадигме типологические и сопоставительные исследования ориентированы на объяснение языковых явлений, сходств и различий между языками, а не на их описание, т.е. типологическая таксономическая «КАК-лингвистика» заменяется объяснительной «ПОЧЕМУ-лингвистикой» (Кибрик 1995: 219). Данные тенденции не являются революционными, они представляют собой естественное развитие многих идей лингвистики прошлого века, например принципа «интегральности лингвистических описаний и установки на реконст-

рукцию языковой картины мира» Московской семантической школы, ведущей свою родословную с 60-ых годов XX века (Апресян 2005: 4).

По мере развития этих тенденций становится очевидным, что учет «человеческого фактора» не противоречит фундаментальным принципам структурной лингвистики – принципам системности и функционализма, сформулированным в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. М. Пешковского, Р. Якобсона и др., в Тезисах Пражского лингвистического кружка.

Именно «в рамках структуралистской парадигмы... были заложены основы современного подхода к описанию грамматических категорий» (Плунгян 1998: 326). В частности не утрачивает объяснительной силы теория морфологических оппозиций Р. Якобсона, использование которой в сопоставительной аспектологии позволяет объяснить функциональные различия в употреблении видов между славянскими языками. Понятия привативной, эквиполентной и градуальной оппозиций, перенесенные в область словообразования и морфологии из фонологии (Трубецкой 1960: 82–85) и применяемые к анализу противопоставления языковых форм, имеющих как план выражения, так и содержания, обладают более сложной содержательной организацией, чем понятия соответствующих одноплановых фонологических корреляций.

Члены привативной оппозиции, как известно, различаются наличием / отсутствием одного коррелятивного семантического признака. Маркированный член привативной оппозиции всегда выражает данный признак. Немаркированный член оппозиции его не выражает и поэтому обладает семантической двойственностью: может отрицать коррелятивный признак, выражая противоположное ему значение, либо оставаться к нему нейтральным – не выражать его и не отрицать (Jakobson 1932: 74–84; Якобсон 1985: 210–221). Показателем привативности морфологической оппозиции является ее нейтрализация, т.е. употребление немаркированного члена, не выражающего отношения к коррелятивному семантическому признаку. Употребление немаркированного члена может быть обязательным (обязательная нейтрализация) или факультативным, когда он употребляется наряду с маркированным как его синоним при выражении одного и того же денотативного содержания (факультативная нейтрализация) (Křížková 1965).

В славянской аспектологии широко распространено определение видовой оппозиции как привативной (Маслов 2004: 583–584), способной при определенных условиях к нейтрализации (Бондарко 2005: 396–400), но в славянских языках различна функциональная область нейтрализации видového противопоставления. Русский вид полностью соответствует принципам морфологической привативной оппозиции, которые разрабатывались Р. Якобсоном на материале прежде всего русского языка, тогда как в чешском языке

особенности употребления и сочетаемости глаголов СВ и НСВ в речи ставят вопрос о модификации привативной оппозиции и о разной степени маркированности / немаркированности СВ и НСВ в отдельных славянских языках. Рассмотрим данный вопрос подробнее, предварительно определив категориальную семантику (граммемы) СВ и НСВ.

2. Граммемы совершенного и несовершенного видов

Как показывает анализ различных аспектуальных направлений (Петрухина 2000: 33–45), к выявлению и определению граммем СВ и НСВ можно идти разными путями: анализируя и сравнивая, с одной стороны, толкования глаголов разного вида, а с другой – их сочетаемость и текстовые функции. Существующие в современной лингвистике определения категориальной семантики СВ ('достижение предела', 'завершенность', 'результат', 'смена ситуации', 'возникновение новой ситуации', 'начало новой ситуации', 'целостность') отражают разную интерпретацию одного концепта, имеющего для русского вида категориальный статус, – концепта ПРЕДЕЛА КАК ВРЕМЕННОЙ ГРАНИЦЫ ДЕЙСТВИЯ, по отношению к которому определяется категориальная семантика СВ и НСВ. Предел может рассматриваться как «изнутри», со стороны самого действия (ср. 'завершенность', 'результат'), так и «снаружи» (ср. 'смена ситуации', 'начало новой ситуации', 'возникновение новой ситуации'), т.е. с точки зрения соотношения данного действия с другими смежными¹ во времени ситуациями.

В конкретных высказываниях конец предшествующей ситуации и начало следующей могут восприниматься целостно, либо один из этих предельных моментов при помощи средств контекста в семантике терминативных² глаголов СВ может актуализироваться. Ср.: *В пятницу вечером на дорогах были большие «пробки», мы выезжали из Москвы два часа, **выехали** (= закончили процесс выезда) уже глубокой ночью* – в семантике глагола *выехали* акцентирована конечная граница действия, т.е. его завершение. В следующем предложении в семантике того же глагола в большей степени актуализировано начало новой ситуации (после достижения результата и завершения действия): *Когда мы **выехали** из города на пустынное шоссе (= оказались на пустынном шоссе), все вздохнули с облегчением*. При взаимодействии со словообразовательной структурой в семантике глаголов СВ могут актуализироваться другие предельные моменты действия, не связанные с ре-

¹ Н.Д. Арутюнова подчеркивает, «что предел в контексте времени и в контексте пространства существенно различны». Если «конец, или граница, пространственных объектов не имплицитно с необходимостью непосредственного перехода к другому объекту», то конец или граница какого-то действия, протекающего во времени, предполагает начало другого действия, другой ситуации – «в мире жизни нет пустого времени» (Арутюнова 2002: 5).

² Терминативными (лат. *terminus* – 'предел, граница') мы называем традиционные предельные глаголы, чтобы разграничить лексический и грамматический пределы действия. Лексический предел выражается в семантике терминативных глаголов как СВ, так и НСВ, обозначающих такие действия, которые предполагают завершение после достижения внутреннего предела (*сделать / делать, упасть / падать*). Грамматический предел (Виноградов 1972: 394) выражается в семантике лишь глаголов СВ – как актуализация временной границы действия.

зультатом: начальный (*запеть, захлопать, побежать*); начальный и конечный длительного действия (*поработать, побегать*); начальная и конечная границы действия, воспринимаемого целостно, как единый квант (*промелькнуть, прозвучать*); конечный предел действия безотносительно к результату (*отшуметь*) и др.

Глаголы СВ всегда выражают предел как границу действия, а глаголы НСВ, не актуализируя предела действия, способны реализовать все другие возможные отношения к нему: 1) отрицать его, выражая процессное значение, при котором фокусируются не пределы, а срединные моменты протекания действия (Якобсон 1985: 221), – действие представляется синхронно с точкой отсчета (*Воздушный шар медленно поднимается / поднимался*); 2) выражать неограниченное повторение однородных действий, без актуализации характера протекания каждого из них; если нет специальных контекстных показателей характера протекания действия, то обычно речь идет о повторении завершенных действий (*Летом она встает рано; Информацию я получал из первых рук*); 3) просто называть действие без какой-либо конкретизации его протекания (*Вы доктор наук? А когда вы защищали (ср. защитили) диссертацию?*).

Можно сказать, что НСВ, проявляя аспектуальную нейтральность, в последнем предложении при обозначении единичного результативного действия в прошлом замещает СВ. Именно подобное употребление глаголов НСВ в контекстах, типичных для СВ, позволило сделать вывод о немаркированном характере НСВ в видовой оппозиции. Если контекст не выражает результат или кратность действия, то НСВ, как немаркированный член оппозиции, может оставлять эту информацию невыраженной. Например, в ответе на вопрос *Почему чашка грязная? – Не знаю, я ее мыла* форма НСВ *мыла* выражает лишь факт совершения действия в прошлом, без актуализации результата или процесса действия. Аналогично в предложении *Мы встречались с ним в Берлине* форма НСВ *встречались* не выражает определенно, была ли одна встреча или несколько. В простом предложении, не содержащем никаких других аспектуальных показателей, не исключается, по крайней мере, двоякое понимание действия, обозначенного глаголом НСВ (в форме прошедшего времени): 1) как единичного процессного с синхронным моментом наблюдения (*Он чинил наш компьютер [и не мог отойти ни на минуту]*) и 2) как аспектуально нейтрального с ретроспективным моментом наблюдения (*Он чинил наш компьютер [и знает его особенности]*), причем в последнем случае даже при расширении контекста остается неясным, было ли действие один или несколько раз.

Однако отмеченные факты не дают основания считать, что НСВ является полным «аспектуальным нулем», хотя такое мнение высказывается в целом ряде работ, см. (Forsyth 1970; Ломов 1975; Милославский 1995). Отсутствие актуализации предела в се-

мантике НСВ порождает не только его аспектуальную нейтральность, но и собственное неопредельное (процессное) значение. Процессное значение НСВ обычно связывают с употреблением глаголов НСВ для выражения действий, синхронных моменту речи или другой точке отсчета, ср.: *Сегодня я не могу пойти в кино: готовлюсь к экзамену. Когда ты позвонил, он смотрел телевизор.* Но актуально-процессное и процессно-длительное значения НСВ сторонники теории «аспектуального нуля» также считают контекстно обусловленным, так как при его выражении в предложении обычно имеются показатели актуальности действия для определенного конкретного момента. Соответственно считается, что НСВ, не актуализирующий границ действия, оставляет возможность восприятия действия лишь синхронно с выраженным конкретным моментом. Однако в русском и других славянских языках можно привести контексты единичного конкретного действия, более наглядно доказывающие наличие у НСВ своего собственного видового значения, противопоставленного граммеме СВ.

Процессное значение НСВ выявляется при нарушении семантического согласования видов с аспектуальными элементами контекста. Это значение мешает глаголам НСВ замещать парные им глаголы СВ, если в предложении при обозначении единичного действия имеются однозначные показатели завершенности действия. Отношение к НСВ как к «аспектуальному нулю» и игнорирование законов семантического согласования аспектуальных элементов контекста является источником ошибок для не славян, изучающих русский язык. Ср., например, неправильное употребление видов в следующих предложениях, извлеченных из контрольных работ иностранцев, изучающих русский язык: *Он уже все, что я ему оставила, *ел; *Делайте это сегодня полностью / до 7 часов вечера; Вы уже *писали свою статью? Вчера я *перделывала статью за два часа; Завтра за два часа я *буду перделывать статью.* Если контекст содержит оценку результата действия или какую-либо иную его конкретизацию, то замена форм СВ формами НСВ также невозможна, ср.: *Кто вам так хорошо сшил (*шил) костюм? Ты послал (*посылал) телеграмму домой сразу?*

Подобные предложения невозможны и в чешском языке: *Už všechno, co jsem ti nechala, *jedl; *Dělejte to všechno do konce / do 7. hodiny večer; Už jste *psala svůj článek? Ten článek jsem *předělávala včera za dvě hodiny. Ten článek *budu předělávat zítra asi za dvě hodiny. Kdo vám tak dobře ušil (*šil) oblek? Poslal (*posílal) jsi telegram domů hned?*

Таким образом, контекст конкретного единичного действия, в том числе содержащего однозначное указание на его завершенность или оценку результата, не является в русском и чешском языках позицией нейтрализации видового противопоставления. Формы прошедшего времени НСВ могут замещать формы прошедшего времени СВ при обо-

значении единичного действия в русском и чешском языках лишь в том случае, если его завершенность и результативность вытекает из ситуации или контекста, но не актуализируется специальными лексическими элементами. Ср.: *Я прочитала / читала эту статью, мы можем ее обсудить. Где вы купили / покупали этот словарь? Přečetla / četla jsem tento článek, můžeme o tom diskutovat. Kde jste koupil / koupil tento slovník?*

3. Границы нейтрализации видового противопоставления

Сочетаемость глаголов НСВ с детерминантами, подчеркивающими завершенность и результативность действия, в русском языке возможна в контексте повторяющихся действий, что подтверждает правомерность рассмотрения контекстов со значением повторяющегося действия как позиции нейтрализации видового противопоставления (Петрухина 2000: 67–71), ср.: *Мы выполняли все, как правило, к 7 часам. Он шил костюмы моему отцу всегда хорошо. Обычно она перепечатывала такой текст за час.*

Примечательно, что в чешском языке даже при обозначении повторяющихся действий сочетание глаголов НСВ с такими показателями завершенности и результата действия невозможно. Так, невозможны предложения, эквивалентные русскому предложению *Такой текст она обычно перепечатывала за час*: **Takový text přepisovala obvykle za hodinu*. Возможны лишь следующие предложения: 1) *Takový text přepisovala (НСВ) obvykle hodinu* (*Такой текст она обычно перепечатывала час*) или 2) *Takový text přepsala (СВ) obvykle za hodinu* (букв. **Такой текст она обычно перепечатала за час*), см. подробнее (Петрухина 2000: 72). Объяснить различия в употреблении видов в подобных предложениях можно разной степенью маркированности НСВ в русском и чешском языках.

Известно, что в славянских языках совершенный и несовершенный виды характеризуются разной функциональной активностью. В ряде славянских языков, в том числе в русском и болгарском, более активен НСВ, например при обозначении повторяющихся действий, в настоящем историческом, в конструкциях с отрицанием, тогда как в других славянских языках, в частности в чешском, в названных типах контекста наряду с НСВ активно используется СВ, который нередко более употребителен, чем НСВ. Например, при выражении повторения случайных действий в чешском языке возможны лишь формы СВ. Ср., например: *Pořád tu polívku přesolí* – *Она постоянно суп пересаливает*. Употребление глаголов НСВ в подобных чешских предложениях вело бы к выражению преднамеренности действия (поэтому вторичные имперфективы от многих глаголов со значением случайных действий типа *přesolit* в чешском языке вообще не образуются), тогда как в эквивалентных русских предложениях употребление глаголов НСВ не мешает восприятию действий именно как случайных, а не как целенаправленных.

Значительные функциональные различия между славянскими языками в употреблении видов свидетельствует о расхождениях между этими языками в категориальной семантике СВ и НСВ на системном уровне, а именно о разной маркированности / немаркированности членов видовой оппозиции. «Экспансия» НСВ в русском языке взаимосвязана с его аспектуальной немаркированностью. Так, являясь стилистически нейтральной и часто единственно возможной формой выражения повторяющихся действий, НСВ выступает как нейтральный член видовой оппозиции, что в частности подтверждает возможность сочетания русских глаголов НСВ при выражении повторяющихся действий с инклюзивными обстоятельствами типа *за час, за день*.

В чешском языке на фоне возможного и употребительного СВ в названном типе контекста НСВ не нейтрализуется: глаголы НСВ выражают многократные действия с актуализацией длительности и процесса совершения каждого из повторяющихся действий (Петрухина 1998). Процессная интерпретация носителями чешского языка значения глаголов НСВ при выражении узуальных действий зафиксирована в «Грамматике чешского языка» Б. Гавранека и А. Едлички (Havránek, Jedlička 1960: 226)³. Маркированный характер чешского НСВ доказывают и другие факты. В чешском языке нет непроцессных имперфективов типа русских *съесть, вылечить, приходиться, добежать* или болгарских *направлям, написвам, поседявам*, которые Св. Иванчев называл семантическими перфективами (Иванчев 1971: 25–31). В чешском языке подобные глаголы либо вообще не образуются, либо свободно могут иметь конкретно-процессное значение (например, глаголы движения с приставками *při-, do-*).

Еще в 50-е годы М. Докулил, критикуя теорию бинарных оппозиций в морфологии, высказал предположение, что основная асимметрическая оппозиция с маркированным СВ и немаркированным НСВ в чешском языке в отдельных случаях как бы перекрывается секундарным асимметрическим противопоставлением с признаковым НСВ, обозначающим продолжительность действия, и беспризнаковым СВ. Свое предположение М. Докулил основывал на анализе контекстов, которые обычно приводятся как классический пример употребления немаркированного НСВ вместо СВ (*Kdo vám to namaloval / maloval? – Kto это вам это покрасил / красил?*). М. Докулил показал, что подобное замещение глаголов СВ глаголами НСВ в чешском языке не всегда возможно. Например, нельзя в том же типе вопроса глагол СВ *přemaloval* (*перекрасил*) заменить глаголом *přemalovával* (*перекрашивал*), глагол СВ *odpracoval* (*отработал*) глаголом НСВ *odpracovával* (*отрабатывал*) без

---

³ Děj opakováný v minulosti nebo přítomnosti se vyjadřuje zpravidla slovesy dokonavými. Např. Kdykoli přišla matka domů, vždy se podívala na obrázek svého syna... Značně řídký je vyjádření takového děje slovesy nedokonavými, např. Kdykoli přicházela matka domů, vždy se dívala ...; takový způsob by zdůrazňoval dlouhotrvající nebo pradávnné opakování (Havránek, Jedlička 1960: 226).

подчеркивания длительности и процессности каждого действия в ряду повторяющихся действий, что в данном случае неуместно. Семантическая маркированность опирается на формальную “маркированность” форм НСВ суффиксом *-vá-* (Dokulil 1958). Как было показано выше, и без формальной маркированности чешские глаголы НСВ в ряде контекстов, в частности в контексте узуального действия, ведут себя как аспектуально признаковые формы, актуализирующие процессность и длительность отдельного действия, которое повторяется.

В приведенном выше тезисе М. Докулила интересна мысль о том, что немаркированным членом видовой оппозиции в чешском языке может выступать СВ. Такая характеристика СВ ожидаема: раз усиливается маркированность НСВ, то в пределах привативной оппозиции уменьшается маркированность СВ (а видовая оппозиция не перестает быть привативной, о чем свидетельствует широкая область синонимического употребления СВ и НСВ). Что значит ослабление маркированности СВ? Это предполагает, что глаголы СВ не актуализируют в своей семантике такие аспектуальные смыслы, как временную границу (предел) действия, в том числе его завершенность и результативность, а также целостность действия, т.е. восприятие его как единый неделимый квант. Данный тезис, высказанный как гипотеза, находит свое подтверждение в закономерностях употребления и сочетаемости глаголов СВ в чешском языке, которые особенно очевидны при сопоставлении с русским языком.

4. Соотношение грамматических, словообразовательных и лексических средств выражения аспектуальных характеристик действия

4.1. Ослабление маркированности СВ ведет к тому, что центр выражения некоторых аспектуальных характеристик действия в чешском языке смещается с глагольных форм на лексические показатели, что сближает чешский язык с неславянскими, например с германскими языками, тогда как в русском языке основным средством выражения аспектуальной характеристики действия остается глагол.

Смещение «аспектуального центра» высказывания с глагольной формы на лексические показатели происходит в чешском языке при выражении кратных действий, несмотря на то, что именно в чешском языке имеется наиболее многочисленная, по сравнению с другими славянскими языками, группа многократных глаголов.

Особенностью чешского языка, в сравнении с русским, при выражении повторяющихся действий является использование трех типов конструкций: с многократными глаголами НСВ (типа *pomáhávat, brávat*), глаголами НСВ (*pomáhat, brát*), глаголами СВ (*pomoc, vzít*): *Vždy mi pomáhával / pomáhal / pomohl. Tehdy jsem často brával / bral / vzal do*

ruky kytaru. В русских эквивалентных предложениях трем чешским формам соответствует лишь один глагол НСВ: *Он всегда мне помогал. Тогда я часто брал в руки гитару*, т.к. многократных глаголов в русском языке очень мало – лишь единичные стилистически маркированные глаголы типа *хаживать, сиживать*, а СВ при обозначении повторяющихся действий, особенно в плане прошедшего времени, употребляется крайне редко. Однако в современном чешском языке многократные глаголы, которые однозначно выражают повторяющиеся действия без поддержки контекста (ср.: *Tehdy mi pomáhával*), неупотребительны и их роль в выражении повторяющихся действий невелика. Многократные глаголы образуются не от всех лексико-семантических групп глаголов НСВ, их употребление факультативно и во многих случаях стилистически маркировано и ограничено жанровыми особенностями художественных произведений и территориальной принадлежностью авторов (Широкова 1996).

С точки зрения соотношения контекстных и глагольных средств выражения повторяемости большей поддержки контекста требуют глаголы СВ (которые, как уже упоминалось выше, в чешском языке при обозначении узуальных действий в ряде случаев даже более употребительны, чем соответствующие глаголы НСВ). Например, в следующих предложениях глаголы НСВ выражают кратность действия без лексических маркеров: *Dostávám od něho dopisy. Navštěvuje nás v sobotu. Vstávala v sedm hodin.* – *Я получаю от него письма. Он навещает нас в субботу. Она вставала в семь часов.* Глаголы СВ в подобных предложениях для обозначения повторяющихся действий употребляются лишь вместе с лексическими показателями кратности действия⁴, ср.: *Denně dostanu několik dopisů. Navštíví nás obvykle v sobotu. Každý den vstal v sedm hodin* (в русских предложениях, эквивалентных приведенным чешским, глаголы СВ не могут быть употреблены). Без лексических маркеров кратности глаголы СВ в подобных чешских и русских предложениях выражали бы однократное действие в будущем или прошедшем времени. Ср.: *Dostanu několik dopisů. Navštíví v nás v sobotu. Vstal v sedm hodin* – *Я получу несколько писем. Он навестит нас в субботу. Он встал в семь часов.*

Таким образом, частотное употребление глаголов СВ в значении повторяющихся действий увеличивает удельный вес лексических показателей кратности в чешском предложении.

4.2. Однотипные словообразовательные модели, выражающие фазисно-временные способы действия, в русском и чешском языках различаются степенью актуализации ре-

---

⁴ В области презентных форм глаголы СВ в чешском языке, в отличие от русского, достаточно свободно выражают обобщенные повторяющиеся действия при формулировке общих законов и правил, не требующих лексических маркеров обобщенности или повторяемости, например: *Dva poloměry rozdělí kruh na dvě kruhové výseče* – *Два радиуса делят круг на два сектора.*

зультата и последствий деятельности: то, что в русском языке имплицитно выражается самим глаголом, требует эксплицитных лексических средств выражения в чешском языке. По-разному в семантике сходных дериватов в русском и чешском языках представлены границы действия, в частности конечная граница, и результат действия.

Русские дериваты *наработаться, насидеться* непосредственно своей структурой выражают результирующий смысл 'достижение определенного состояния удовлетворения или пресыщения'. В чешских же эквивалентных предложениях, чтобы выразить этот смысл, надо употребить дополнительную лексику *dost* (*достаточно*), так как сами дериваты *na- se* такой семантики не развивают. Ср.: *Пешком мы еще находимся – Pěšky se nachodíme ještě dost a dost; Я насиделся в канцелярии, поэтому люблю ходить пешком. – V kanceláři jsem se naseděl dost, tak proto raději chodím pěšky.*

В чешском языке глаголы этого типа более частотны в другом, стилистически маркированном, значении: 'много и часто что-то делать'. *U doktora se člověk vždycky děsně načeká. – У врача всегда приходится страшно долго ждать. V životě jsem se během jediného dne tolik nenačkal jako dnes. – В жизни я никогда в течение одного дня не ждал столько, сколько сегодня.* В приведенных предложениях глагол *načekat se* выступает как синонимичный сочетанию *dlouho čekat*, в котором границы действия не актуализированы, отличаясь от этого нейтрального словосочетания с глаголом НСВ лишь выражением экспрессивного отношения говорящего к действию. Этим, по всей видимости, можно объяснить тот факт, что в толковых чешских словарях (SSJČ, SSČ) глаголы, образованные по модели *na- se*, помечаются как двувидовые, способные выражать значения как СВ, так и НСВ, ср.: *nasmát se* (dok. i nedok.).

Русские делимитативы, образованные от глаголов целенаправленной деятельности, по своим функциям приближаются к видовым коррелятам. На первый план может выступать не представление об ограниченной длительности, а семантический элемент окончания действия, которое может оцениваться с точки зрения его результата (*хорошо, плохо*). В чешском языке делимитативы, не обладая ярко выраженной семантикой окончания действия, в подобных случаях употребляются значительно реже, чем в русском, причем значение результата выражается контекстными элементами (например, наречием *dost* – *достаточно*), ср.: *Мы уже потренировались (поработали, погуляли), идем домой – чеш. Dneska jsme se už dost pocvičili, jdeme domů.* Вообще в чешском языке делимитативы образуются значительно реже, чем в русском, особенно от глаголов, обозначающих неконтролируемые процессы, ср. *Свеча погорела и погасла – Svíčka chvíli hořela a pak zhasla; Голова поболела и перестала – Hlava ho nějaký čas bolela a pak přestala* (Петрухина 2000: 159–166). В приведенных чешских предложениях ограниченность процесса непродолжитель-

ным отрезком времени выражается лексическими элементами контекста, а в русских самим глаголом с приставкой *po-*.

4.3. В русском языке, по сравнению с чешским языком, многочисленнее группа глаголов НСВ и СВ, способных к прямому противопоставлению значений попытки и результата типа *Он решал, но не решил задачу*, тогда как в чешском языке эта смысловая оппозиция чаще выражается не грамматически, а лексически. Например: *Я запоминала его новый адрес, но не запомнила – Snažila jsem se jeho novou adresu si zapamatovat, ale nezapamatovala jsem si.* (букв. Я **пыталась** запомнить его новый адрес, но не запомнила).

Аналогично, глаголы НСВ некоторых семантических групп – предстояний, по Е.В.Падучевой (Падучева 1996: 115) – могут имплицитно выражать вероятность результата, что в чешском языке также выражается эксплицитно. Ср. *Его увольняют, надо что-то предпринять, чтобы не уволили. – Zdá se, že bude propuštěn / Chtějí ho propustit* (букв. **Вероятно**, он будет уволен... / Его **хотят** уволить...). *Musíme něco podniknout, aby ho nepropustili.*

Прямое противопоставление глаголов СВ и НСВ в русском языке может выразить противопоставление имплицитных модальных смыслов. Например, инфинитивы глаголов НСВ и СВ в русском языке в отрицательных конструкциях связаны с противопоставлением модальных смыслов отсутствия необходимости и невозможности действия, тогда как в чешском языке подобные модальные смыслы в предложениях с инфинитивом могут быть выражены лишь эксплицитно, ср. *Ольге завтра рано не вставать: каникулы – Olga nemusí zítra brzy vstávat: jsou prázdniny; Ольге завтра рано не встать: она очень поздно легла – Olga nebude zítra moci vstát: šla spát příliš pozdě.*

5. Аномальное употребление и формообразование некоторых глаголов СВ в чешском языке

Ослабление маркированности глаголов СВ объясняет появление в современном чешском языке невозможного для всех славянских языков сочетания некоторых глаголов СВ с фазисными глаголами и образование аналитической формы будущего⁵. Речь идет лишь о двух глаголах *zúčastnit se* (*принять участие*) и *soustředit se* (*сосредоточиться*), у которых зафиксировано такие аномальные для славянского вида формообразование и сочетаемость, достаточно часто встречающиеся в современной чешской публицистике и текстах чешского Интернета. Ср.: *Je pravdou, že na domácí islamský extremismus se britské*

⁵ Подобная сочетаемость наблюдается в серболужицком языке, испытывавшем на протяжении всей своей истории сильное влияние немецкого языка. Сочетание фазового глагола с СВ отмечается даже в грамматических описаниях верхне-лужицкого языка, но как некорректное. Ср.: *W letech 1896–99 je započal spisac a wudac traktaty w slowjanskej reci – В 1896–99 годах он начал писать (букв. начал написать) и издавать (букв. начал издать) трактаты на славянском языке* (Faßke 1981: 180–181).

bezpečnostní složky začaly pořádně soustředit až relativně nedávno (Lidové noviny, 15.07.05)⁶ – Действительно, британские службы безопасности начали сосредотачиваться (букв. начали сосредоточиться) на местном исламском экстремизме относительно недавно. Ale následující sezónu se Johnny vzdal páru a začal se soustředit na samostatné bruslení (<http://cocovica.sblog.cz>). – Но в следующем сезоне Джонни отказался от парного катания и начал сосредотачиваться (букв. начал сосредоточиться) на одиночном катании.

Образование формы будущего времени данных глаголов вызвало бурную дискуссию в чешском Интернете на сайте языковой службы чешского радио. Ср.: *V poslední době slycháme zejména v žargonu politiků vyjádření typu budeme se zúčastnit nebo budeme se soustředit. Takto utvořené tvary budoucího času nejsou správně tvořeny a je velmi těžké odhadnout, co vede jejich uživatele či tzv. autory k vytvoření tohoto nesmyslu - snad se zde uplatňuje vliv němčiny, lépe řečeno vliv špatného překladu z němčiny či jiných germánských nebo románských jazyků, ale můžeme uvažovat i o neznalosti či neúctě k jazyku (Tvoření budoucího času v češtině. H. Chýlová). – В последнее время слышим, особенно в жаргоне политиков, выражение будем принять участие или будем сосредоточиться. Такие формы будущего времени образованы неправильно. Очень трудно понять, что привело так наз. авторов данных форм к их созданию. Возможно, здесь проявляется влияние немецкого языка, точнее, влияние плохого перевода с немецкого или других германских и романских языков, но можно предположить также незнание родного языка и неуважение к нему⁷.*

Вполне очевидно, что употребление подобных форм и конструкций является следствием не только демократизации и небрежности чешской речи и иноязычного влияния, но и отражает глубинные процессы в системе чешского глагольного вида, а именно ослабление маркированности СВ. То, что нарушение запретов на сочетаемость с фазовыми глаголами и нарушение правил формообразования зафиксировано лишь у двух глаголов СВ, можно объяснить особенностями данных глаголов, у которых ослабление категориальной семантики СВ зашло столь далеко. Глаголы *zúčastnit se, zúčastňovat se* находятся на периферии класса глаголов СВ: оба глагола выражают отношение, поэтому различия в аспектальной семантике двух глаголов минимальны. Отметим, что в русском языке им соответствуют одновидовой глагол *участвовать* и парные аналитические предикаты *принять, принимать участие*. Глаголы *soustředit se – soustředovat se* (*сосредоточиться – со-*

⁶ Данный пример любезно предоставлен нам С. С. Скорвидом, известным переводчиком с чешского языка.

⁷ Подобное формообразование получило столь же негативную оценку и в словаре В. Юста (Just 2005: 84–85), охарактеризованном С.С. Скорвидом в беседе с автором доклада как «краткий энциклопедический словарь чешского новояза последних пятнадцати лет». Словарь, вышедший в двух томах, фиксирует неудачные, с точки зрения В. Юста, новые слова, конструкции и формы, появившиеся в чешском языке после «бархатной» революции.

средотачиваться) выражают ментальное действие, которое в чешском языке чаще выражается глаголом СВ, чем глаголом НСВ (о чем можно судить по результатам проведенного исследования употребления данных глаголов в электронных версиях чешских газет и других текстах чешского Интернета).

6. Вторичные функции глаголов НСВ в общефактическом значении

Как было показано выше, в позиции нейтрализации видового противопоставления глаголы НСВ в плане прошедшего времени выступают с общефактическим значением, т.е. обозначают факт совершения действия в прошлом без конкретизации характера его протекания и выражения аспектуальных признаков процессности, длительности или повторяемости. Для русского языка это распространенный тип употребления глаголов НСВ. Ср.: Я вас **предупреждал** об опасности; Мы с вами где-то **встречались**; Телеграмму **будете посылать**? В чешском языке глаголы НСВ реже употребляются с общефактическим значением, так как они проявляют тенденцию к актуализации (выраженной в разной степени в зависимости от лексического значения глагола) длительности и процессности обозначаемого действия и в таких контекстах. Поэтому русским глаголам в общефактическом употреблении в чешских эквивалентных предложениях соответствуют не только глаголы НСВ, но и глаголы СВ, а иногда только глаголы СВ. Так, в следующих отрывках русские глаголы НСВ с общефактическим значением переводятся на чешский язык глаголами СВ с конкретно-фактическим значением. Формы НСВ в подобных условиях, по мнению чешских информантов, неуместны, так как они подчеркивали бы длительность выражаемых действий. Ср.: «Так были вы в Норвегии или нет? Что-то я не пойму». – «Не смейтесь, ответить однозначно на этот вопрос невозможно. Загранкомандировки **оформляли**. Анкеты **заполняли**. Загранпаспорта **получали**. Наконец **вылетали** из международного аэропорта Шереметьево-2. А были... в российских поселках Барецбург и Пирамида, что на архипелаге Шпицберген («Смена, 1993, №3). - Tak byli jste v Norsku nebo ne? Nějak to nechápu. Nesmějte se, nemůžu na tuto otázku odpovědět jednoznačně. Služební cesty do zahraničí jsme **vyřídili** (СВ). **Vyplnili** (СВ) jsme dotazníky, **dostali** (СВ) jsme zahraniční pasy. Nakonec jsme **odletěli** (СВ) z mezinárodního letiště Šeremetěvo-2. A byli jsme v ruských obcích Barecburg a Piramida, které jsou na souostroví Špicbergen.

Разной степенью немаркированности НСВ в русском и чешском языках объясняется также тот факт, что глаголы НСВ с общефактическим значением в русском языке чаще, чем в чешском, нагружаются дополнительными дискурсивно-прагматическими функциями.

ми. Данные функции в чешском языке, в отличие от русского, в тех же контекстных условиях могут быть выполнены и глаголами СВ.

Так, если в русском языке для смягчения иллокутивной силы высказывания, например отказа предоставить необходимую информацию, используются в основном глаголы НСВ, то в чешском глаголы обоих видов. Ср.: *Prostíte, сколько стоят билеты на самолет до Калининграда? – Не знаю, это муж **покупал**. Prosím vás, kolik stojí letenky do Kaliningradu? – Nevím, manžel to **koupil / kupoval***. В русских диалогах формы прошедшего времени НСВ с общефактическим значением участвуют в формировании речевых актов, например в создании риторического вопроса. Ср. *Кто тебя об этом **просил***? ('никто не просил, не надо было это делать'); *Кто тебя туда **посылал***? ('никто не посылал, не надо было ходить')? *Я вас **перебивала***? ('ясно, что не перебивала'). *Дайте и мне **договорить***. Употребление форм прошедшего времени СВ в этих контекстных условиях означало бы «иллокутивное самоубийство», так как пресуппозиция риторического вопроса предполагает, что говорящий заранее знает отрицательный ответ на этот вопрос (Тэк-Гю Хонг 2003: 92–114). Глаголы СВ преобразовали бы риторический вопрос в собственно вопрос, направленный на получение неизвестной информации (*Кто тебя об этом **непросил***?). В чешском языке в аналогичных риторических вопросах наряду с глаголами НСВ используются и глаголы СВ: *Kdo se tě **prosil**, abys to dělal? Poslal / Posílal tě tam **snad někdo**? Přerušila / Přerušovala jsem vás **snad**? Nechte mě laskavě domluvit*. Обращает на себя внимание тот факт, что в чешском языке в подобных риторических вопросах часто употребляется модальная частица *snad*, то есть тот смысл, который в русском языке выражается самой глагольной формой НСВ, требует в чешском поддержки контекста.

7. Краткие выводы

Таким образом, проведенное сопоставительное исследование употребления и сочетаемости глаголов СВ и НСВ в русском и чешском языках позволяет объяснить разную функциональную нагрузку видов в этих языках разной степенью маркированности / немаркированности СВ и НСВ. В целом ряде случаев в чешском языке как немаркированный член видовой оппозиции выступает СВ, тогда как НСВ характеризуется актуализацией процессности и длительности обозначаемого действия и в тех контекстах, которые считаются позициями нейтрализации видового противопоставления и остаются таковыми в русском языке. Ослабление маркированности СВ в чешском языке связано с его широким употреблением, в том числе и в тех контекстах, где в русском языке обязателен НСВ. При этом в чешском языке выражение некоторых аспектуальных характеристик действия в

высказывании смещается с глагольных форм на лексические показатели, тогда как в русском языке в подобных случаях основным средством выражения аспектуальной характеристики действия остается глагол, способный имплицитно передать и другие смыслы, в частности модальные. Ослабление маркированности СВ обуславливает у отдельных глаголов СВ в чешском языке нарушение строгих запретов на сочетаемость с фазовыми глаголами и образование аналитического будущего. Разный объем употребления НСВ в общефактическом значении, а также различная нагруженность глаголов НСВ вторичными прагматическими и дискурсивными функциями в русском и чешском языках также объясняется разной степенью немаркированности НСВ в этих языках.

Литература

- Апресян Ю.Д.* О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. № 1. 2005.
- Арутюнова Н.Д.* Вступление // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.
- Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.;Л., 1972.
- Иванчев Св.* Проблеми на аспектуалността в славянските езици. София, 1971.
- Кибрик А.Е.* Куда идет современная лингвистика? // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы Международной конференции. Т. 1. М., 1995.
- Кубрякова Е.С.* Смена парадигм знания в лингвистике XX века // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы Международной конференции. Т. 1. М., 1995.
- Ломов А.М.* Категория глагольного вида и ее взаимоотношение с контекстом // Вопросы языкознания. № 6. 1975.
- Милославский И.Г.* О семантическом содержании видовой характеристики русского глагола // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.
- Маслов Ю.С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Петрухина Е.В.* Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках (на материале русского, западнославянских и болгарского языков) // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Петрухина Е.В.* Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Плунгян В.А.* Проблемы грамматического значения в современных грамматических теориях (обзор) // Семиотика и информатика. Выпуск 36. М., 1998.
- Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Тэк-Гю Хонг.* Русский глагольный вид сквозь призму теории речевых актов. М., 2003.

- Широкова А.Г.* Отношение маркированных многократных глаголов к категории славянского глагольного вида (образование, семантика, особенности функционирования) // Исследования по глаголу в славянских языках. Глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования. Грамматика. М., 1996.
- Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
- Якобсон Р.О.* Избранные работы. М., 1985.
- Dokulil M.* K otázce morfologických protikladů (Kritika předpokladů binárních korelací v morfologii češtiny) // Slovo a slovesnost. R. 19. № 2. 1958.
- Faßke H.* Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morfologie. Bautzen, 1981.
- Forsyth J.* A grammar of aspect. Usage and meaning in the Russian verb. London, 1970
- Havránek B., Jedlička A.* Česká mluvnice. Praha, 1960.
- Jakobson R.* Zur Struktur der russischen Verbums // Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et Circuli Linguistici Pragensis sodalibus oblata. Prague, 1932.
- Just V.* Slovník floskulí 2: Další várka slovního smogu: paslova, pavazby, pamyšlenky. Praha, 2005.
- Křížková 1965 – *Křížková H.* Pojetí neutralizace v morfologii // Slovo a slovesnost. R. 26. 1965.

Список сокращений

- SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého. D. 1–4. Praha, 1960–1971.
- SSČ – Slovník spisovné češtiny. Praha, 2000.